

# Шурик не забыл ничего

## РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

В домашнем фотоальбоме Пенкиных есть снимок старого роддома в Мышкине. Одно из окон помечено стрелкой. Там без малого полвека назад осенней грозовой ночью появился на свет Божий младший из троих сыновей Тамары Пенкиной – Александр. В кругу семьи ярославского врача Александра Геннадьевича Пенкина это давным-давно народный фольклор – быть про осень, ночь и грозу.

## ОКНО, ПОМЕЧЕННОЕ СТРЕЛКОЙ

Так случилось, что в райцентре ветфельдшер Пенкина оказалась в самый неподходящий момент. Вопреки всем расчетам, «прихватило» ее прямо на улице: ни мужа, ни старших сыновей рядом. На ночь глядя в родильный дом пришлось добираться одной. На мостках через ручей застала ее гроза.

– Я сейчас рожу! – выпалила она, как только открылась дверь роддома.

– Ишь ты, какая быстрая, – старая акушерка не сразу пришла в себя от сморившего ее сна.

– Все, уже рожая! – тон голоса ночной пациентки вовсе не располагал к шуткам.

Через считанные минуты акушерка принимала роды.

Дома у Тамары уже подрастали богатыри Павел и Игорь, и она спросила с надеждой:

– Ну? Девочка?

– Ах, да если бы, вон голова какая прет. Мужик будет! – в сердцах подбодрила доктор.

В соседней палате в тот же день родилась девочка. Мать ее была вся в слезах, уткнулась в подушку, видеть никого не хотела. Дочку оставляла в роддоме, никому не объясняя, что стряслось. К тому же и молока у нее не было.

– Давай покормлю, – предложила Тамара. Та ничего не ответила, но девочку отдала.

Когда приехал Тамарин муж Геннадий и увидел сына, то весь так и засветился от радости.

– У нас теперь с тобой уже трое парней, – слегка охладила его пыл Тамара. – Возьмем ту девочку, ведь пропадает.

– Возьмем, – Геннадий кивнул, пошел с просьбой к главврачу. Но тот и слышать ничего подобного не пожелал и даже отругал за то, что потакают непутевой мамаше.

Несколько дней Тамара кормила девочку вместе с сыном и так к ней привыкла, что когда выписывалась, едва сдерживала слезы.

Тамара Павловна никогда потом дома не рассказывала о судьбе той девочки. Намекнула: дескать, не хочется расстраивать печальными подробностями. Быль о ночной грозе и явлении Шурика народу так любят слушать в семье Пенкиных, что Александр Геннадьевич, вместе с другими «рассказками» о Шурике и полным текстом своей родословной поместил ее на домашнем сайте. Его-то, готовя к печати эти заметки, мы с большой пользой для дела и полистали.

Поинтересовался он как-то на досуге, чего хорошего произошло в жизни в год его рождения, пятьдесят восьмом. Не поленился посмотреть подшивку мышкинской газеты «Вперед». Животновод товарищ Балясинов откормил 70 свинок. В Доме культуры шел фильм «Любовь женщины». В Москве начали выпускать телевизоры новой серии «Рубин». Ярославль отмечал открытие речного порта. В Переславле-Залесском залежен памятник земляку и тезке – Александру, который Невский.

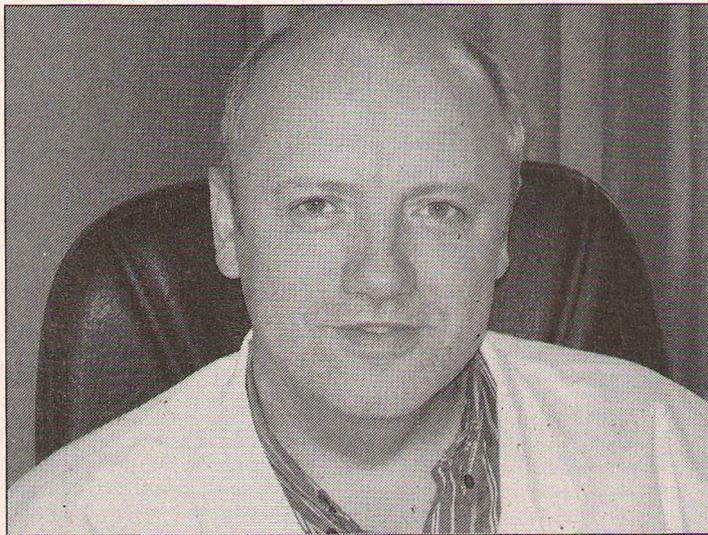
## СЕЛО НАЗЫВАЕТСЯ СЕРА

Лет до четырех, пока отца не перевели под Переславль поднимать племенной «Успенскую ферму», в просторечии Успенку, Шурик жил в селе под загадоч-

рил на заводе, строил БАМ, стал частным предпринимателем. Может водить машины любой марки.

– Если бы Игорю доверили самолет, – предположил Александр Геннадьевич, – то, наверное, и его он поднял бы в воздух.

Третий же «ребенок» Пенкиных чуть ли не с рождения любил природу и все живое. Удивлял окружающих наблюдательно-



Заведующий кабинетом медицинской статистики и информации ярославской больницы № 5 Александр Пенкин; Шурик с мамой.

ным названием Сера, что у дороги Мышкин – Углич. Геннадий Иванович был в здешнем совхозе директором, Тамара Павловна – ветеринарным врачом.

А познакомились они в Некрасовском веттехникуме, сидели за одной партией, в морозные зимы на пару долбили перьями замерзшую непроливайку. Догадливый Генка согрел чернильницу в ладонях, чтобы Тамара писала конспект, один на двоих.

Смысл слова «Сера» воспитаннику медицинской академии Александру Пенкину, занятому сейчас таким точным делом, как медстатистика, видимо, до сих пор не вполне ясен. Но уж про то, что это за село такое, Александр Геннадьевич мог бы рассказывать и рассказывать.

Историю его проследил он по архивным первоисточникам. Два священника местного Никольского храма Д. Приселков и Д. Красотин в начале прошлого века оставили подробную летопись прихода. То было село сапожников и плотников. Обувку на продажу шили-тачали они без отрыва от земледелия. Топориком владели не хуже, чем шилом. Отыскал уроженец Серы и еще один прелюбопытный документ. Слушатель Ярославского юридического лицея, некто А. Рябцев в 1908 году изучал на практике местные речения. В госархиве области сохранился вопросник с ответами. Слышались в них через столетие голоса здешних старожилов. «Ужо», – говорили они, упирая на «о». «Старой», «аржаной», «скрозь», «ребенок»...

Братья Пенкины все очень разные. Старший Павел с детства любил верховодить. Закончил в пединституте истфил, но учителем не стал – связал жизнь с сельским хозяйством. В перестройку и после нее имя «ярославского мятежника» Павла Пенкина на слуху было – это он первым потребовал от властей отменить дотации селу, установить паритет цен, городских и сельских. Будучи одним из учредителей Союза аграрников, добился приема у Горбачева, спросил лидера перестройки: «Куда мы катимся?», получив в ответ букет цветистых фраз.

У среднего брата Игоря с детства были золотые руки. Слеса-



Фото из домашнего архива Пенкиных

стью, памятью на «мелочи жизни» и чутким воображением. Например, долго верил, что Плещеево озеро с двойным дном и там водятся щуки величиной с крокодила, что после дождя в углублении шляпки мухомора мухи беззаботно купаются как в море, на то и «мухо – мор». Ему нравилось прослушивать кошку через мамин фонендоскоп, а потом с важным видом сообщать кому-то диагноз как в микрофон.

Цельными днями Шурик пропадал с мамой на ферме, в конюшне или овчарне. Играл с телятами и ягнятами, поил их молоком из бутылки с резиновой соской. Когда гостил в каникулы у ярославской тети Маруси, где в хозяйстве было всякой твари по паре, мог без запинки сообщить, сколько заготовлено на зиму сена, накормлены ли куры, утки и гуся и как дела у приболевшего теленка.

Когда наступала пора возвращаться домой, тетя Маруся обвиняла Шурика со словами:

– Что бы я без тебя делала, завхоз ты мой родной. Следующим летом приезжай обязательно, будем тебя ждать.

## ЗАЧЕМ БЫКУ КОЛЬЦО В НОЗДРЯХ

Кого в детстве Шурик боялся, так это быков. Их ставили в отдельные стойла, они шумно вздыхали, гремя цепью. Только одного не мог он понять – зачем у быков в ноздрях кольцо, за что их так мучают.

Однажды мальчишки не на шутку раздражили племенного быка, он хрипел, неистово бодал дверь стойла, и она едва держалась на петлях: что-то будет! Шалуны бросились наутек. Шурик видел из окна, как укрощать своего питомца пошла мама. Сорвала по пути пруттик, очистила его от листьев, зашагала быку навстречу.

От ужаса Шурик закрыл глаза. А когда открыл их, увидел такую картину: мама идет впереди и держит быка за кольцо, и тот послушно семенит за ней как нашкодивший щенок. После этого случая, переполненный гордостью за свою укротительницу-маму, он ходил по деревне с видом победителя.

– Как герой, – вспоминал позже, – освободивший деревню от злого дракона.

Мать с отцом лечили и частную скотину, но денег за это никогда не брали. Один раз приехали к ним ночью из соседнего колхоза – у кого-то умирала коровица-корова. Отец поехал. До утра лечил несчастную от послеродового пареза. Вводил кофеин в сердечную мышцу, «протрировал» вымя. Выжила коровушка.

Хозяин несколько раз пытался сунуть избавителю деньги. Услышав окончательный отказ, привез-таки «четвертак» к дому директора, положил на крыльцо, где повиднее. Мать нашла деньги, а отец все равно не взял: сел на лошадь и отъезжал обратно.

Когда при Хрущеве вышел указ о сдаче частного скота государству, директору совхоза «Сера» пришлось показать личный пример. Из материнских рассказов Александр Геннадьевич знает то, чего ни в каких газетах не прочтешь. Шли они всей семьей за своей Милкой и ревмя ревели.

## ЗЕМЛЮ ОТ ПОЖАРА УБЕРЕЧЬ

В доме деда Ивана Давыдовича на Красном Профинтерне Шурика лечили от краснухи, завертывая в красные простыни. А еще он помнит, как аккуратно, одним слоем, раскладывали по ящичкам и корзинам на зиму помидоры сорта «бычье сердце». Огромные гусиные яйца; самодельные леденцы из патоки, застывшие по форме тарелки; запахи вареной кукурузы (отходы производства шли на корм домашней птице); последние заводские гудки бывшего завода Понизовкиных. Все это и есть для него дом деда по матери, куда Шурика привозили на лето.

Самое сильное из отроческих воспоминаний – пожар. Как-то на Успенке запалил деревянный клуб. Половину его занимали контора племсовхоза, отдел кадров с трудовыми книжками, племенными делами – берегись, директор, если сгорят.

Пенкины жили по соседству, огонь угрожал и их дому. Шурика разбудили громкие голоса, яркий свет в окнах. Мама объяснила: «Пожар», быстро одела сына, чтобы соседи отвели его подальше в сад. Он еще успел вскарабкаться на стол, открыть крышку радиоприемника, достать из проигрывателя пластинки со своими любимыми песнями – пластинок у них было тогда ровно две и чуть ли не все песни Шурика наизусть знал.

В дальнем углу сада он одной рукой обнимал за шею верного друга и сторожа немецкую овчарку Гайдю с угольно-черными, все понимающими глазами, а другой рукой прижимал к груди заветные пластинки. На одной из них

была песня со словами: «Парни, парни, это в наших силах, землю от пожара убережем...»

Закусив губу, он нашептывал эти слова, видя, как со звоном и треском вылетали стекла, как через оконные проемы рвались наружу гудящие всполохи пламени.

Он не знал тогда, что в те самые минуты отец, теряя сознание, спасал от огня имущество совхозной конторы, а мать, в охапку схватив своего потерявшего счет времени супруга, вытаскивала его из горящего клуба.

Как вспоминает Тамара Павловна, выскочить на улицу успели они за несколько мгновений до того, как обрушилась крыша и огромный столб искр полетел в ночное небо. До дома Пенкиных пламя не добралось. А от клуба осталась груда дымящихся бревен. Когда подростки дочки Александра Геннадьевича спрашивают, какие у бабушки были отношения с покойным дедом, то на память всегда приходит одно и то же: как мама папу из огня на руках вынесла.

## РОДОСЛОВНАЯ БЫВАЕТ НЕ ТОЛЬКО У СОБАК

Когда-то Пенкина задело за живое строки в «Северном крае». «Люди сейчас, – лет десять назад с горечью отмечал прискорбный факт автор публикации, – больше интересуются родословной породистых собак, чем своей собственной».

Начистоту признавшись самому себе, что сказанное относилось в недалеком прошлом и к его персоне, Александр Геннадьевич взялся за старые фотографии, разрозненные записи о предках, накопленные лет за пятнадцать. Тогда-то и попросил он мамушку пометить на снимке мышкинского роддома окно их палаты. Так начиналась «книга судеб» его крестьянского рода с петровских времен. Недавно Пенкин свой двадцатилетний труд закончил, став действительным членом Российского историко-родословного общества.

– Каждый раз уходил из архива с растерзанным сердцем, – признается наш собеседник. – Начитаешься записей о рождениях и смертях, чувство такое, будто теряешь близкого человека, а прийти ему на помощь опоздал.

Для оформления на компьютере восходящего родового древа Пенкин выбрал простую, логичную и, что немаловажно, бесплатную программу Сего Pro канадца Даниэля Морина. Разработчик оказался человеком близким по духу, предусмотрел включение в родословную домашних животных вплоть до лошадей.

Не таков доктор Пенкин, чтобы подобную возможность упустить. Кроме собак Джека и Гайды «членами семьи» Пенкиных в разное время бывали черепаха, голубь, сова, найденная в лесу с простреленным крылом. Занесены в книгу коты Тимофей I и Тимофей II, а также любимцы дочерей Маши и Наташи – добродушные белые крысы дядюшка Джек и тетушка Марта.

О Тимофее II, белом котятре с рыжими патлами и коротким хвостом, сказано: «Самый разговорчивый кот». О крысах: «Знают свои имена, откликаются на зов. Очень смешно бегают по квартире – то от кота, то за ним вдогонку. Что не мешает им все же оставаться самими собой. Забравшись в укромный угол, неистово грызут плintуса».

Юлиан НАДЕЖДИН.